

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.3>

UDC 123.1

LBC 87.1

A MODERN INTERPRETATION OF TRANSCENDENTAL FREEDOM (CONCERNING POSITIVE DESIRE FOR THE UNATTAINABLE)

Svetlana V. Dimitrova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Revealing essential features of freedom is based on the comparison of the two pictures of the world, on considering the peculiarities of the culture types identified by J. Telecom as “root” and “rhizomatic”.

Understanding freedom as the result of a successful action is opposed to the desire for what is unattainable. It is proved that a high degree of development of the empirical world leads to the understanding that any goal achieved is a link in the endless chain of process activities. Successfulness in achieving the goals does not allow a person to overcome the logic of development immanent to activity.

Aspirations oriented on obtaining freedom lead to the emergence of different forms of contingency and ways of “escape” from it. The unattainability of freedom is manifested in the fact that it’s slipping away, turning into its opposition. Freedom is simulacrum, it has no denotative meaning and cannot be expressed either in the experience of certain states or in outcomes of effective action.

Freedom is manifested in following the unattainable because constantly renewable futile efforts in search of freedom allow a person to overcome the logic of causality, to go beyond empirical reality. Condition for the existence of freedom is repetition understood as the process of designation, the symbolic definition of the meaning of freedom. Endless repetition manifested in the eternal desire of people for freedom is the foundation of its presence. Not mere representation but manifestation of the unique being, “specifically human” is possible in a never-ending renewable efforts on the pursuit of the unattainable – the attainment of freedom.

Freedom is not the goal and not the result, and the condition under which it becomes possible unique semidetermined mode of being of the individual. The transcendence of freedom is considered as a possible “change of life”, as overcoming the logic of the development of the posterior world. The significance of the transcendental experience is that it acts as the organizing principle of the personal world allowing the immanent human being meaning to actualize.

Key words: transcendental freedom, simulacrum, “a change of being”, transcendence, “difference“, “repeat”, goal-oriented rational action.

УДК 123.1

ББК 87.1

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ СВОБОДЫ (О ПОЗИТИВНОМ СТРЕМЛЕНИИ К НЕДОСТИЖИМОМУ)

Светлана Васильевна Димитрова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Выявление сущностных черт свободы основано на сопоставлении двух картин мира, на рассмотрении особенностей типов культуры, обозначенных Ж. Делезом как «корневая» и «ризоматная».

Противопоставляется понимание свободы как результата успешных действий и как стремления к тому, что недостижимо. Обосновывается, что высокая степень освоенности эмпирического мира ведет к пониманию того, что любая достигнутая цель является звеном в цепи бесконечного процесса деятельности. Успешность в достижении целей не позволяет человеку преодолеть логику развития, имманентную деятельности.

Стремления, направленные на обретение свободы, ведут к появлению различных форм зависимости и путей «бегства» от нее. Недостижимость свободы проявляется в том, что она ускользает, превращаясь в

свою противоположность. Свобода – симулякр, она не имеет денотативного значения и не может быть выражена ни в переживании определенных состояний, ни в достигнутых результатах эффективных действий.

Свобода проявляется в следовании к тому, что недостижимо, поскольку постоянно возобновляемые бесполезные усилия, направленные на поиск свободы, позволяют человеку преодолеть логику причинно-следственных связей, выйти за пределы эмпирической действительности. Условием существования свободы является повторение, понимаемое как процесс обозначения, символического определения смысла свободы. Бесконечное повторение, проявляющееся в вечном стремлении людей к свободе, выступает основанием ее присутствия. Не репрезентация сущего, а проявление уникального бытия, «специфически человеческого» становится возможным в нескончаемо возобновляемых усилиях, направленных на стремлении к недостижимому – обретению свободы.

Свобода – не цель и не результат, а условие, при котором становится возможным уникальный, самодетерминированный способ пребывания личности. Трансцендентальность свободы рассматривается как возможность «перемены бытия», как преодоление логики развития эмпирического мира. Значимость трансцендентального опыта заключается в том, что он выступает организующим принципом личностного мира, позволяя актуализироваться имманентным человеческому бытию смыслом.

Ключевые слова: трансцендентальная свобода, симулякр, «перемена бытия», трансценденция, «различие», «повторение», целерациональность.

Фокус рассмотрения свободы в современном мире претерпевает существенные изменения. В условиях провозглашения «смерти субъекта», повсеместности «власти-знания», «конца социального» напрашивается вывод о том, что стремиться к свободе некому и незачем. Получение знаний, создание технических средств, способствующих развитию производства и обеспечивающих комфорт человеку, ведут к новым формам закрепощения.

Характеристиками несвободы в условиях современного мира являются повышенная комфортность, пристальное внимание к индивидуальным желаниям и потребностям человека, широкая палитра вариантов выбора: стилей поведения, видов деятельности, идеологий, религий, художественных направлений, этических норм и т. д. В стремительной смене «эпизодов» жизни у цивилизованного человека, обладающего для достижения своих целей высокотехнологичными средствами, нет способов даже артикулировать свою несвободу. Между тем современный «дискурс» не элиминировал свободу, а наполнил это понятие иным содержанием.

Поставив перед собой цель выявить основные тенденции и формы пребывания свободы в современном мире, находящемся в «пространстве потоков» и «вневременном времени» [4], мы будем основываться на сравнении двух типов культур, обозначенных Ж. Делезом как «оседлая», «стрежневая» и «кочевая», «ризоматная» [3]. Важнейшей задачей при рассмотрении двух культур станет

исследование вопроса о признании наличия и статуса свободы в условиях изменяющихся «картин мира».

При развитии «стержневой», оседлой культуры важным для понимания свободы является признание (вера) существования образцов (подлинного бытия; абсолютных и относительных истин), реализация которых позволяет достичь свободы. Идеалы свободы всегда имели для человека особую значимость. Свобода как цель социальной эволюции выступила основанием для развития, направленного на социально-экономический рост, усовершенствование правовой системы, поиск различных типов солидарности, научно-технический прогресс. Цивилизационное совершенствование обусловлено признанием существования объективных законов, установленных «правил игры», необходимых для достижения запланированных результатов. Стержневое развитие основано на достижении великих целей, которые организуют последовательные стадии «...до бесконечности воспроизводимыми принципами кальки» [3, с. 21].

Подобный тип культуры выражает себя в бесконечном переходе от одной относительной свободы к другой или от одного вида зависимости к другому. Между тем сама логика развития, последовательность и иерархичность достижений человека приводят к выводу о том, что признание относительной свободы неизбежно ведет к абсолютному ее отрицанию. Ибо действия субъекта всегда обус-

ловлены, он всегда является звеном в цепи бесконечных действий.

Следовательно, свобода может проявиться в преодолении логики существующего и возможности «перемены бытия». Есть ли возможность перемены бытия в рамках стержневой культуры, при которой структурная упорядоченность существующего организуется в соответствии с сущностными характеристиками, ассоциирующимися с корнями дерева?

Укажем, что существующее – это чувственно-эмпирический мир, характерными чертами которого являются множественность и разнообразие. Однако чувственное многообразие фиксируется лишь во мнении, а подлинное знание и мудрость заключаются в усмотрении единства, тождественности. Несмотря на то что многообразие есть признак «кажмости бытия», чувственная реальность также строго иерархизирована, а упорядоченность и ценностная значимость разнообразных явлений и состояний задаются степенью приближенности, аналогичности подлинному бытию. Важнейшей характеристикой и интенцией развития является стремление к воплощению тождества сущего и сущности.

Сущностной характеристикой свободы выступает возможность проявления уникальности человека, его личностного бытия. В условиях же ориентации на успешность, результативность действий необходимым становится не проявление индивидуальных черт, а напротив, следование закономерностям, правилам, законам и т. д. Различие и индивидуализация проявляются в степени достижимости целей, в возможности, перспективе и степени приближенности к сущностному. Различие, проявляющееся в аналогии, является господствующим в условиях признания наличия подлинного однозначного бытия и дифференцированного существующего. Следует отметить, что последовательное воплощение идеалов «оседлой», корневой культуры создает условия, при которых становится возможным провозглашение «смерти субъекта», «конца социального».

На принципиально иных представлениях о бытии и сущем основывается «ризоматная», «кочевая» культура, ассоциирующаяся с «корневищем», растущим во все стороны, не име-

ющим начала и конца, центра и периферии. Важно отметить, что, согласно учению Ж. Делеза, различие проявляется в бытии, предшествующем существованию. Бытие как становление, как различие является необходимым условием, основанием для существующего. «Это бытие – равенство всего неравного, сужавшего полностью реализовать свое неравенство» [2, с. 61]. Таким образом, различие как характеристика бытия является становлением конкретных проявлений сущего. В учении Ж. Делеза различие имеет утвердительный характер, поскольку освобождает сингулярности от власти любой тотальности, погружая их в игру случайных сил, ведя к разнообразным конфигурациям потоков становления.

Особенно важным для определения статуса свободы является то, что различие определяется не как результат аналогии с сущностным, а как возможность воплощения сущего, степень силы, утверждающей уникальность, индивидуальность в существующем. Утверждение различия, многообразия, всенаправленности развития разрушает иерархию, которая выстраивается при признании наличия абсолюта.

Основанием иного порядка выступает повторение, которое не репрезентирует сущностное и не воспроизводит повторяемое, а означает его (повторяемое). Следовательно, условием организации мира, основанием устойчивости и порядка выступает символическая сущность повторения. Символическая действительность существует только благодаря повторению определенных действий. Благодаря повторению возможно присутствие даже отсутствующих вещей и состояний – симулякров. Симулякр – знак, не имеющей денотативного значения, копия несуществующей вещи, присутствует вследствие повторяющихся процессов означивания.

Данное определение указывает на очень важные черты в понимании свободы. Следует отметить, что не существует денотативного значения свободы, и именно этим объясняется то, что стремления определить смысл свободы оборачиваются описанием разнообразных форм зависимости, анализ и переживание опыта свободы сводятся к появлению путей «бегства от свободы». Недостижимость свободы проявляется в том,

что она ускользает, превращаясь в свою противоположность. Между тем, несмотря на «трагедийный характер», проблема достижения свободы является вечной, имеющей особую значимость для обретения человеком самого себя, для означивания собственной сущности.

Бесконечное повторение, проявляющееся в вечном стремлении людей к свободе, выступает основанием ее присутствия. Свобода – симулякр, она не может быть выражена ни в наличии определенных состояний, ни в достигнутых результатах успешных действий. Но необходимость и неизменно повторяющиеся стремления раскрыть многообразие смыслов указывают на «коренной» характер свободы. Наиболее значимой характеристикой в определении свободы как симулякра становится то, что пути ее означивания основываются на личностных смыслах, ведя к проявлению индивидуального бытия. Процесс означивания свободы и есть способ актуализации уникальности бытия, поскольку он не подчиняется никаким закономерностям и не уподобляется никаким абсолютам.

Свобода проявляется не в степени достижимости трансцендентных ценностей и целей, не в успешном следовании общему, закономерному, а в возможности быть самим собой, проявить уникальность личностного бытия.

Недостижимость свободы фундирует повторяемость, свободу можно сравнить с надеждой, которая, согласно определению Ф. Ницше, вновь и вновь подвигает человека на новые свершения. Надежда необходима для того, «...чтобы человек, сколько бы его ни мучили иные бедствия, не бросал жизни, а всегда вновь давал бы себя мучить...» [6, с. 281].

Следование к тому, что недостижимо, позволяет человеку преодолеть логику причинно-следственных связей, выйти за пределы эмпирической действительности и погрузиться в состояния, для которых «невозможна никакая причина». Описание таких состояний мы можем найти в учении М.К. Мамардашвили: «Совершенными являются такого рода предметы, которые имеют основанием только самих себя. Но мы знаем, что в мире не только нет причин для этих предметов, но есть и причины, чтобы их не было,

например, нет утилитарной причины, чтобы быть добрым и честным. Но уже само стремление к порядку, добру, Богу показывает, что все эти вещи существуют. Люди стремятся к бесполезным вещам, и в этом стремлении выражается присутствие добра, совести, справедливости. Человек ищет Бога – это означает, что он его нашел» [5, с. 555].

Важно отметить, что необходимы «специфически человеческие усилия», чтобы удерживать эти состояния. Повторяемость стремлений людей к добру, справедливости, свободе не запрограммированы, не возникают и не совершенствуются в процессе природной эволюции, не существует хорошо отлаженных механизмов, позволяющих достичь этих состояний. Вместе с тем отсутствие стремления к таким состояниям, недостаточность усилий не позволят человеку обрести самого себя, прожить собственную жизнь, «осмелиться быть самим собой».

«В мире для каждого человека оставлено место, оно оставлено там, где есть наш собственный акт (лик), который мы должны совершить. Попав в это место, мы можем быть ликом (свободным), только переосмыслив и преобразовав себя. А это преобразование требует силы (не слов, не логических рассуждений)» [5, с. 426].

Таким образом, стремление к свободе всегда связано с усилиями, ведущими к «перемене бытия». Преодоление детерминистских связей, целерациональной логики обусловлено возможностью человека трансцендировать относительно своего действия. Свобода проявляется в способности, присущей только человеку, трансцендировать к недостижимому. И только в этом «бесполезном», «бескорыстном» стремлении возможно обретение самого себя – самодетерминированного, уникального бытия.

Вместе с тем обретение «возможности быть» аналогично утверждению, понимаемому как трансцендентальное основание различия. Обретение себя, актуализация личностного бытия есть ни что иное, как утверждение различия (собственной особенности). При этом процессы утверждения различия (собственной возможности быть) требуют личностных усилий, особого типа опыта, способности «держания ситуации».

Несводимость бытия к сущности позволяет утверждать многообразие проявлений бытия людей и мира. Важно то, что различие не исключает, а поддерживает возможность сосуществования, многообразия культур, взаимодействие различных смыслов и форм познания мира.

Пребывание в различии, проявляющееся в уникальности личностного бытия, аналогично описанию культуры в учении В.С. Библера. Каждая культура – это особый уникальный мир, со своими закономерностями, логикой развития, способами понимания, ценностными основаниями. При этом одна культура не исключает другую, более того, диалог, плодотворное взаимодействие возможны при условии сосуществования различных, самодетерминированных культур. В культуре не существует принципа замены одного устаревшего смысла другим, поскольку одно не отменяет и не превосходит другое, в ней (культуре) утверждается полифония смыслов. Все явления культуры уникальны, они сосуществуют, поддерживая различие, друг друга, и не могут быть иерархизированы.

Творцом уникальных, самодетерминированных типов культуры, «...субъектом ее всеобщих смысловых определений является индивид – этот, особенный, смертный – в той мере, в какой он реализует себя в горизонте личности, в общении личностей, в сфере культуры, на грани культур. Особенное и уникальное я выступает – в логике культуры – субъектом всеобщего» [1, с. 92–93]. Перед человеком неизменно возникает необходимость решения «пределных вопросов бытия», и от его личных, каждодневных усилий зависит возникновение «свободных начал нового мышления и нравственного выбора». Удержание различия возможно благодаря усилиям личности, направленным на установление поля смыслов. Подобного рода установление возможно благодаря удержанию абсолютности каждого из смыслов и выработке личностью особых форм смыслового взаимодействия.

Обобщая, сделаем выводы. Во-первых, рассмотрение способов определения сущности и статуса свободы, в противопоставлении делезовской типологии культур – оседлой и кочевой (ризоматной), позволило выявить основания для сравнения смыслов свободы, а имен-

но противопоставить понимание свободы как результата успешных действий свободе как стремлению к тому, что не имеет аналога в действительности, к тому, что недостижимо. Таким образом, свобода – это симулякр, имеющий позитивное значение, поскольку стремление к недостижимому выступает основанием для актуализации личностного бытия. Проявление «специфически человеческого» возможно в бесконечно возобновляемых усилиях, направленных на поиск смысла свободы.

Во-вторых, была выявлена трансцендентальная сущность свободы. Свобода – не цель и не результат, а условие, событие, позволяющее свершиться бытию, при котором становится возможным уникальный, самодетерминированный способ пребывания личности.

Следование целерациональной логики развития позволило достичь определенной степени независимости и указать на недостижимость свободы. Любая форма освобождения, увеличение степени независимости, сопровождаемое расширением познавательных-преобразовательных возможностей человека, создавало новые формы контроля, вело к тотальным формам отчуждения, усреднению личности.

Совершенствование, связанное с увеличением результативности деятельности людей, позволило выявить иную сущность свободы и указать на ее трансцендентальный характер.

В-третьих, трансцендентальность рассматривается как иной опыт отношения к действительности, позволяющий преодолевать границы эмпирического существования. Значимость трансцендентального опыта заключается в том, что он выступает организующим принципом личностного бытия, актуализируя имманентные человеческому бытию смыслы. Важным также является то, что отказ от свободы приводит к забвению некоторых форм бытия, способных проявиться только благодаря усилиям данной личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библер, В. С. На гранях логики культуры / В. С. Библер. – М. : Русское феноменологическое общество, 1997. – 440 с.
2. Делез, Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. – СПб. : ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.

3. Делез, Ж. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Кн. 2. Тысяча плато. – М. : У-Фактория ; Екатеринбург, 2007. – 895 с.

4. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 660 с.

5. Мамардашвили, М. К. Философские чтения / М. К. Мамардашвили. – СПб. : Азбука-классика, 2002. – 832 с.

6. Ницше, Ф. Человеческое слишком человеческое / Ф. Ницше // Ницше, Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 1. – М. : Мысль, 1990. – С. 231–491.

REFERENCES

1. Bibler B.C. *Na granyakh logiki kultury* [On the Fringes of the Logic of Culture]. Moscow, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ., 1997. 440 p.

2. Delez Zh. *Razlichie i povtorenie* [Difference and Repetition]. Saint Petersburg, ТК “Petropolis” Publ., 1998. 384 p.

3. Delez Zh., Gvattari F. *Kapitalizm i shizofreniya. Kn. 2. Tysyacha plato* [Capitalism and Schizophrenia. Book 2. A Thousand Plateau]. Moscow, U-Faktoriya Publ.; Ekaterinburg, 2007. 895 p.

4. Kastels M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Information Age: Economics, Society and Culture]. Moscow, GU VShE Publ., 2000. 660 p.

5. Mamardashvili M.K. *Filosofskie chteniya* [Philosophical Readings]. Saint Petersburg, Azbukaklassika Publ., 2002. 832 p.

6. Nicshe F. *Chelovecheskoe slishkom chelovecheskoe* [Human, All Too Human]. *Sochineniya. V 2 t. T. 1* [Works. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1990, pp. 231-491.

Information about the Author

Svetlana V. Dimitrova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, sve-dimitrova@yandex.ru.

Информация об авторе

Светлана Васильевна Димитрова, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, sve-dimitrova@yandex.ru.